

Д.Х.

299

ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ

1

1953

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

веб-публикация: *Vive Liberta*, 2014

1

ЯНВАРЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

1953

СОДЕРЖАНИЕ

Ленинизм — знамя борьбы за победу коммунизма в СССР	3
---	---

СТАТЬИ

Ким М. П. — К вопросу о формировании социалистических наций	16
Полянский Ф. Я. — О товарном производстве в условиях феодализма	40
Черняев А. С. — Революционный подъём рабочего движения в Англии в 1917—1920 годах и предательство лейбористских лидеров	61
Фортунатов П. К. — Две Шипки (К 75-летию освобождения Болгарии русской армией)	85

ДОКУМЕНТЫ

Арциховский А. В. — Раскопки 1952 года в Новгороде	113
--	-----

СООБЩЕНИЯ

Светлов Л. Б. — Революционный подвиг А. Н. Радищева	125
---	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

Астахов И. Б. — Рецидивы марровской «теории» в разработке вопросов происхож- дения искусства	131
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

История СССР

Ромодин В. А. — Б. Г. Гафуров. История таджикского народа	145
Всеобщая история	
Хохлов Н. П. — Ли Чен Вон. Очерки новой истории Кореи	151

ХРОНИКА

Кривоногов В. Я. — О научных конференциях «Уральские чтения»	155
--	-----

Редакционная коллегия:

П. Н. Третьяков (главный редактор), И. М. Волков,
Б. Д. Греков, Н. М. Дружинин, С. Ф. Найда, А. Д. Ни-
конов, А. Л. Сидоров, А. Д. Удальцов.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24, комн. 647. Тел. Д 3-31-04.

Рукописи представляются в редакцию в двух экземплярах. Непринятые рукописи не возвращаются.

А 01419. Изд. № 145. Заказ № 3357. Тираж 40 000 экз

Подписано к печати 6/II 1953 г. Формат бум. 70×108¹/₁₆. 5 бум. л. — 13,7 печ. л.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Федор Яковлевич Полянский

1907 - 1982

об авторе:

<http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0131451>

http://www.econ.msu.ru/departments/inh/about_institut/history/

ОТНОШЕНИЕ ЦЕХОВ К КАПИТАЛИЗМУ В ПЕРИОД ИХ РАСЦВЕТА (XIII—XV вв.)

Документальный анализ экономической политики средневековых цехов имеет большое значение для советских историков, так как он даёт возможность исторической проверки тех социальных особенностей корпоративного режима средневекового ремесла, которые с давних пор и столь неумеренно прославляются буржуазными историками и экономистами. Ведь с их точки зрения цехи в течение веков оставались оплотом народного производства, трудовой жизни мастеров, безбедного существования ремесленников, опорой социального мира и гарантией от язв современного капитализма¹. Более того: эту стародавнюю демагогию, реакционную и антиисторическую, фашизм вновь поднял на щит, используя её для одурачивания мелкобуржуазных элементов городского населения, обещая городским лавочникам создать корпоративные барьеры «процентному рабству» и капитализму неарийского происхождения.

Поэтому чрезвычайно важно документально выяснить истинные тенденции цехового законодательства и определить действительную роль его антикапиталистических предписаний. Много весьма ценных показаний по этому вопросу дают относящиеся к XIV—XV вв. цеховые документы Кёльна, опубликованные в 1907 г. под редакцией Лёша². Помимо цеховых уставов и регламентов, представленных в первом томе, они содержат (во втором томе) целую серию конкретных постановлений городского совета, хозяйственных договоров, арендных соглашений, всякого рода свидетельств (о поведении подмастерьев, прохождении ими ученичества, происхождении учеников), формул клятвенных обещаний, такс на цены, уставных предписаний по конкретным хозяйственным вопросам и т. д. Кёльнские документы позволяют выйти за рамки нормативного материала цеховых уставов, на одностороннем использовании которого и покоятся хвалебные заключения буржуазной историографии о социальных преимуществах средневековых цехов.

Средневековый Кёльн был центром развития ремесла, и его цеховые документы по-

казывают социальную политику нескольких десятков ремесленных корпораций. Весьма многие из числа этих последних получили свои уставы в 1397 г., когда цехи Кёльна оказались хозяевами положения в городе и поспешили использовать благоприятную обстановку для авторитетного подтверждения своих привилегий. В своей совокупности уставы 1397 г. представляют целый кодекс цеховых привилегий и дают не разрозненные, а массовые показания о социальной политике цехов. Важно отметить, что кёльнские цехи часто оказывались властителями города на длительный срок и утверждение их уставов в городском совете происходило при непосредственном участии цеховых старшин или других представителей ремесленных корпораций; содержание кёльнских документов типично для цехового законодательства средневековья. Поэтому в последующем изложении нами сделана попытка выяснить на основе детального анализа цеховых документов Кёльна особенности социальной политики цехов в классическую пору их расцвета, в XIII—XV веках. Но так как сущность этой политики особенно ярко проявлялась в отношении цехов к капиталистическим тенденциям в деятельности мастеров, то тема «Цехи и капитализм», естественно, оказывается при этом центральной темой, требующей всестороннего рассмотрения.

Конечно, капитализм позднего средневековья развивался в значительной мере за пределами цехового ремесла, и капиталистические мануфактуры создавались купцами в деревнях или на городских окраинах, свободных от назойливого вмешательства цеховых властей. Но капитализм развивался также внутри цехов, и предпосылки для этого уже имелись налицо в XIV—XV вв., в период расцвета цехового строя. Выяснение отношения цеховых корпораций к эмбриональному развитию капитализма в недрах цехового режима — весьма интересная для историка задача.

При изучении документов сразу бросается в глаза, что антикапиталистические тенденции в экономической политике цехов были весьма сильны в XIII—XV веках. Цехи стремились к корпоративной изоляции от крепостной деревни, устанавливая прямой бойкот крепостных ремесленников, запрещая обучать ремёслам детей крепостных крестьян и обуславливая приём новичков в свой со-

¹ См. работы Шанца, Шмоллера, Гирке и др.

² «Die Kölner Zunfturkunden», bearb. von H. Loesch, Bd. I, S. I—147. 1907.

став обязательным приобретением бюргерских прав³. Цехи не стремились к сколько-нибудь решительной ломке феодальных отношений; наоборот, в господстве иерархии феодальных привилегий они искали основу для защиты своих специальных прав.

Вместе с тем значительное число цеховых уставов Кёльна запрещало систему «домашней промышленности» или решительно противодействовало её развитию, ограничивало деятельность перекупщиков или ставило её под запрет и препятствовало организации капиталистических мануфактур централизованного типа. Кроме того цехи тормозили накопление капитала, устанавливая норму прибыли торговцев, преследуя высокие доходы мастеров и продажу изделий по спекулятивным ценам; они регламентировали условия найма подмастерьев и особенно продолжительность их рабочего дня, фиксируя оплату труда городских ремесленников, запрещали торговые и другие компании, ограничивали кредитные сделки⁴.

Наряду с этим цехи противодействовали проявлению регулятивных функций нормы прибыли, делая обязательными для мастеров заказы потребителей, затрудняя отраслевую и территориальную миграцию труда и капитала, руководствуясь внехозяйственными мотивами при регламентации техники производства, запрещая соби́рание экономической информации, санкционируя обязательность всякого рода договорных ограничений хозяйственного маневрирования цеховых мастеров и торговцев⁵. Затем, антикапиталистическую роль играли те общинные «предприятия» подсобного характера, которые в той или иной форме существовали у многих средневековых ремесленных корпораций, не исключая и кёльнских⁶. Тем самым экономические позиции цеховых мастеров в борьбе с мануфактуристами и скупщиками становились более неуязвимыми. Ведь цехи практиковали даже коллективные закупки сырья, которое потом делилось среди их членов⁷.

Неблагоприятной для эмбрионального развития капитализма была техническая политика цехов с характерным для неё консерватизмом. Можно сослаться на то, что кёльнские, например, цехи обязывали мастеров передавать модели своих изделий другим ремесленникам, запрещали им снижать издержки своего производства и использовать некоторые технические нововведения; ставили под запрет производство определенных изделий, фиксировали сроки для изменения профиля производства, делали обязательными местные образцы изделий, добиваясь территориальной замкнутости технического развития⁸.

Аналогичное значение имели и декретированные цехами технические нормы производ-

ства, мешавшие спекулятивному использованию техники, периодические визиты цеховых старшин в мастерские и, наконец, репрессии против «фальшивых» изделий, делавшие опасным техническое экспериментирование⁹. Фиксация размеров изделий и длительности производственных процессов ещё больше затрудняла использование мастерами техники для целей наживы, мешала их приспособлению к рыночной конъюнктуре.

Безусловно антикапиталистическую роль играла эгалитарная регламентация производства. Энгельс прямо указывал, что «по образцу конституции марки» были «созданы уставы и положения бесчисленных вольных товариществ средних веков, не основанных на общности землевладения, — особенно же уставы вольных цехов. Предоставленное цеху исключительное право занятия определенными ремёслами рассматривается как обычная марка. С таким же, как там, равенством, часто теми же самыми средствами, цехи также прилагают старания к тому, чтобы вполне или возможно точнее уравнивать долю участия каждого своего члена в общих источниках доходов»¹⁰. Эта регламентация состояла в нормировании числа подмастерьев, работавших у мастеров, в запретах последним перехватывать у своих коллег хозяйственные помещения, в ограничениях использования и особенно сдачи в наём помещений, взимании штрафов за организацию производства вне мастерской, в непосредственной фиксации размеров производства (иногда даже в общегородском масштабе), хотя бы и окольным путём ограничения числа тех вспомогательных предприятий, услугами которых могли пользоваться городские ремесленники.

Помимо того запрещалось перенимать работу и заказы сотоварищей по ремеслу, скупать сырьё, нужное другим мастерам, и детали, необходимые в производстве тех или иных изделий. Обязательным был дежёр закупаемого мастером сырья среди его сотоварищей по цеху¹¹. Дополнением к регламентации служила принудительная локализация сырьевого рынка и, что особенно важно, рынка рабочей силы, затруднявшая использование иногороднего сырья и наём пришлых подмастерьев¹². Достойны упоминания и цеховые запреты найма подмастерьев с небезупреочной репутацией, а также запреты мастерам использовать подмастерьев до окончания установленного испытательного срока, без публичной записи договора относительно их найма. Наконец, возрастные ограничения ученичества мешали достаточно широкому применению детского труда¹³.

Наряду с этим развитие капиталистических отношений затруднялось цеховыми ограничениями экспансии сбыта готовых изделий путём прямого его контингентирования, строгой фиксации состава тех изде-

³ Loesch. Op. cit., I, 46; II, 56, 213, 222, 225, 249, 393; Stein «Akten zur Geschichte der Verfassung und Verwaltung der Stadt Köln», Bd. I, S. 416. 1893.

⁴ Loesch. Op. cit.; Stein, Op. cit.

⁵ Ibidem.

⁶ Ibidem; «Chronicon der deutschen Städte», Bd. XIV, S. 913. 1877.

⁷ Loesch. Op. cit. II, 133, 333.

⁸ Ibidem.

⁹ Ibidem.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 637.

¹¹ Loesch. Op. cit.; Stein. Op. cit.

¹² Ibidem.

¹³ Ibidem.

лий, которыми могли торговать цеховые мастера или торговцы, отрицанием права торговцев на свободный выбор наиболее выгодного покупателя, крайней бюрократизацией торговли (обязательность услуг маклеров, мерильщиков), принудительной локализации рынка сбыта изделий цеховых мастеров, запрета их экспорта или ввоза на городскую территорию¹⁴.

Наконец, несомненно, мешали возникновению капиталистических отношений цеховые ограничения взаимной конкуренции мастеров и многие требования социальной политики цехов, их эгалитарной морали¹⁵.

Таким образом, все эти запреты, ограничения и регулирование производства стояли на пути капиталистических начинаний цеховых мастеров.

Можно поэтому утверждать, что существенные особенности экономического развития Западной Европы XIV—XV вв., в частности развития её городов, объяснялись антикапиталистическим влиянием на него цеховой регламентации. Без цеховой регламентации родовые муки капитализма не затянулись бы на целые века. У нас есть все основания утверждать, что антикапиталистические тенденции были доминирующими в экономической политике цехов, и это объясняет многое в истории цехового ремесла средних веков.

Но антикапиталистические тенденции не были единственными. В цеховом законодательстве Кёльна имеется много предписаний противоречивых и даже прокапиталистических. Они неотступно сопутствуют предписаниям, игравшим антикапиталистическую роль, и их подробный анализ совершенно необходим для уяснения природы цеховой регламентации. При ближайшей проверке эта регламентация оказывается далеко не последовательной, половинчатой и потому малоэффективной.

Первое место среди противоречивых предписаний занимают всякого рода ограничения приёма новых членов в состав цехов, особенно затруднявшие проникновение посторонних элементов. Сюда же относились и все постановления, санкционировавшие корпоративные привилегии цеховых мастеров. Они играли аналогичную роль. Их общее значение сводилось к тому, что они укрепляли позиции в ремесле мелкого производства, хотя бы и узкой группы привилегированных цеховых мастеров. Тем самым они играли антикапиталистическую роль, консервируя мелкобуржуазные формы общественного производства. Однако одновременно они обрекали подмастерьев на положение наёмных рабочих, лишая их всякой надежды на приобретение прав самостоятельного ремесленника, — другими словами, они создавали резервы наёмного труда для мануфактуристов и этим оказывали благоприятное влияние на развитие капитализма. В Кёльне господствовал принцип принудительного членства, а знаменитый Zunftzwang декларируется огромным количеством уставов и среди них уставами кошелечников, бочаров, литейщиков, ткачей одеял, мясников, ювели-

ров, золотопрях, поясников, скорняков, портных и других категорий ремесленников¹⁶. Если принцип Zunftzwang'a нарушался кем-либо, то мастера считали это посягательством на свои привилегии и выступали с соответствующими протестами, как об этом свидетельствует жалоба мясников в городской совет, поданная ими 30 марта 1427 года¹⁷. И действительно, городские власти часто поддерживали этот принцип, делая для мастеров обязательным подчинение цеховым уставам или преследуя нецеховых ремесленников, оседавших в Кёльне¹⁸. От акцизных чиновников они требовали даже клятвенного обещания доносить на всех нарушителей Zunftzwang'a. Городские власти допускали мастеров заниматься некоторыми видами ремесла только по своему специальному разрешению.

Само собой разумеется, что нецеховые мастера искали выхода из затруднений в нелегальном занятии ремеслом. Но цехи преследовали их при поддержке городских властей Кёльна. Цех красильщиков, например, обратился 21 декабря 1496 г. с жалобой в совет на то, что пришлый мастер Иоган Мартин занимается в Кёльне своим ремеслом, не имея цеховых прав¹⁹. Иногда вообще запрещалось давать пришлым мастерам работу в Кёльне, и устав, например, поясников грозил за это крупным штрафом — в 10 марок²⁰. Аналогичны и требования устава дубильщиков, подчёркивающие нерушимость Zunftzwang'a²¹. Если пришлый мастер получал заказ и, не окончив работу, оставлял её, то кёльнские мастера, согласно предписаниям своих уставов, бойкотировали неоконченные заказы пришлых мастеров. Так, одно из решений старшин цеха плотников и каменщиков, вынесенное с участием мастеров в середине XV в., запрещает цеховым мастерам достраивать здание, начатое и не законченное пришлыми мастерами²².

Под давлением Zunftzwang'a ремесленники оседали в пригородах и искали спасения в деревне. Однако таким путём они находили только частичное облегчение, так как цехи преследовали пригородное ремесло, используя поддержку городских властей. Так по крайней мере обстоит дело с пивоварами и пекарями²³. Если даже запреты на ввоз изделий издавались городскими властями, то этому обычно предшествовали ходатайства цеховых мастеров. В дополнение к этому запрещалось доделывать привозные изделия, что также затрудняло ремесленную деятельность пригородных и деревенских мастеров²⁴. Иногда объявляли настоящую монополию кёльнских изделий на местном рынке, и там, где продавались кёльнские изделия, мастерам и торговцам запрещалось продавать какие-либо другие²⁵.

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ Ibidem. II, 176.

¹⁸ Ibidem. Op. cit.; Stein. Op. cit.

¹⁹ Ibidem. II, 106.

²⁰ Ibidem. 275.

²¹ Ibidem. 334.

²² Ibidem. 444.

²³ Ibidem. 88, 545.

²⁴ Ibidem. 276.

²⁵ Stein, Op. cit., II, 75—76.

¹⁴ Loesch. Op. cit.; Stein. Op. cit.

¹⁵ Ibidem.

Столь же противоречивое значение имели многочисленные предписания цеховых уставов об ограничении приёма посторонних в состав цехов и о преимущественных правах родственников цеховых мастеров при приёме их в цех.

Так, в Кёльне с новичков взимали вступительные пошлины разной величины, шедшие в распоряжение цеховой казны. Они упоминаются почти во всех уставах кёльнских цехов. С новичков, принятых в цех из числа пришлых подмастерьев, взимали повышенные пошлины, как об этом свидетельствуют соответствующие статьи цеховых уставов кошелечников, литейщиков, красильщиков, ткачей одеял, ювелиров, поясников и других ремесленных профессий²⁰. С них обычно вступительные пошлины взимались в удвоенном размере. Некоторые корпорации заходили в финансовом вымогательстве так далеко, что вообще отдавали преимущество при приёме только тем, кто соглашался платить за них больше, чем другие. Такие порядки были, например, в братстве скорняков. Иногда это вымогательство приобретало настолько широкий размах, что обнаруживалась нужда в специальных запретах подобной торговли цеховыми правами, о чём красноречиво свидетельствует устав кровельщиков, не разрешавший старшинам продавать цеховые права кому бы то ни было²¹.

Совершенно то же самое следует сказать и относительно цеза бюргерства, который требовался от новичков уставами многочисленных цехов Кёльна. Он также часто давал повод и юридическое обоснование для устранения неугодных лиц. Ведь многие соискатели цеховых прав не имели бюргерских прав, и тогда их судьба оказывалась в зависимости от произвольного решения цеховых властей. Аналогичными были и социальные последствия цеза высокой нравственности, являвшегося обязательным также в большом числе кёльнских цехов и братств²². Многие из подмастерьев не могли похвастаться своей высокой нравственностью и не в состоянии были достать надлежащие справки о своём безупречном поведении. В таком случае их судьба становилась незавидной. К этому тесно примыкала дискриминация незаконнорожденных, столь обычная для кёльнских цеховых уставов. Она также позволяла цеховым властям устранить с поля своей деятельности весьма многих подмастерьев, зачисление которых в состав цеха представлялось почему-либо нежелательным. В тесной связи с ней стояла дискриминация представителей некоторых профессий²³, часто встречающаяся в уставах ремесленных корпораций Кёльна, как и других городов средневековой Германии, особенно ганзейских. Иногда на этой почве возникали сложные конфликты, тянувшиеся многие годы, как это показывает тяжба 1480—1487 гг. между цехом кёльнских ювелиров

и сыном хирурга Якобом Бирманом из Шпрее по поводу принятия его в состав цеха²⁴.

Устраняя посторонних, особенно пришлых ремесленников, цеховые уставы Кёльна допускали зачисление в состав цехов родственников цеховых мастеров. Иногда они шли в этом отношении так далеко, что отдельные цехи на некоторое время вообще объявлялись закрытыми и приём новых членов полностью приостанавливался. Цех сукноторговцев, например, вынес 14 июня 1334 г. решение о прекращении приёма новых членов в их братство на целый год²⁵. С другой стороны, число членов в их братстве было фиксировано²⁶. Сыновье право пользовалось в Кёльне всеобщим признанием и существовало в двух формах: либо оно давало сыну цехового мастера льготы при получении ремесленных прав отца либо вообще устанавливало наследование, свободный переход прав от отца к сыну. В той или иной форме привилегии сыновей цеховых мастеров засвидетельствованы целой серией цеховых уставов Кёльна²⁷. Некоторые цеховые уставы прямо заявляют, что дети мастеров могут свободно заниматься ремеслом своих отцов²⁸. Иногда же сын мастера мог наследовать только половину корпоративных прав своего отца, а другую — их по овину должен был приобрести обычным порядком, ценой соответствующих денежных взносов. Подобные порядки существовали, например, у кёльнских ткачей шерстяных одеял, согласно их уставу 1420 года.

По наследству передавались также торговые места, как это практиковалось среди сапожников в раннюю пору развития их ремесла²⁹. В отдельных корпорациях сонаследники делили членство даже по жребии, как это было в братстве уже упомянутых сукноторговцев, когда после смерти кого-либо из членов их братства наследников оставалось больше одного. Даже на зятьёв цеховых мастеров распространялись привилегии, обычные для родственников. Особенно часто оказывались льготы при зачислении в цех тем из подмастерьев, которые были женаты на вдовах мастеров. Так, в 1453 г. цеховые права красильщиков получил муж одной вдовы, хотя он и не проходил положенного ученичества³⁰. В 1432 г. совет разрешил одному каменщику, женившемуся на вдове цехового мастера, заниматься сапожным ремеслом, хотя он и не имел необходимого стажа ученичества³¹.

Правда, это вызывало протесты со стороны мастеров. Последнее обстоятельство весьма характерно, так как свидетельствует о том, что цеховые мастера пытались ограничить проникновение в свою среду даже некоторых категорий родственников. И действительно, по предписанию своего цехового устава, кёльнские прядильщицы могли ставить само-

²⁰ Ibidem. II, 560—568.

²¹ Ibidem. 176.

²² Ibidem. 196.

²³ Ibidem.

²⁴ Ibidem. I, 133, 159, 203.

²⁵ Ibidem. 401.

²⁶ Ibidem. II, 104.

²⁷ Ibidem. 407.

²⁸ Loesch, Op. cit., I, 95.

²⁹ Ibidem. 24.

³⁰ Ibidem.

³¹ Ibidem.

стоятельными мастерами только одну из своих дочерей, но не больше³⁸. Наконец, вдовье право пользовалось признанием в Кёльне так же, как и везде.

Все эти ограничения приёма посторонних, льготы и привилегии родственников цеховых мастеров играли одинаково противоречивую роль в социально-экономическом развитии цехового ремесла. Они содействовали превращению подмастерьев в наёмных рабочих и в то же время поддерживали устой мелкого производства в ремесле, санкционируя преемственность производства от отца к сыну, обеспечивая последнему занятие экономических позиций его отца. Опираясь на предписания цеховых уставов, признанные ими привилегии и правацельные династии цеховых мастеров могли существовать на протяжении веков, удерживая однажды занятое положение мелких, но самостоятельных товаропроизводителей. Таким путём развитие капитализма одновременно и ускорялось и замедлялось; его конкретная история определялась борьбой противоречивых тенденций экономической жизни.

Противоречивые влияния на развитие капитализма оказывало и цеховое законодательство об ученичестве. В Кёльне оно регулировалось обычными для цеховой системы нормами. И здесь ученичество являлось совершенно обязательным для тех, кто в будущем намеревался занять положение самостоятельного мастера, пользующегося всей совокупностью цеховых прав³⁹. Чтобы ученичество не оказывалось лишь формальным, цеховые уставы определяли его срок, как правило, весьма длительный, вполне достаточный не только для технической тренировки ученика, но и для экономически эффективного использования его рабочей силы цеховым мастером. Заключение договоров ученичества должно было происходить при участии цеховых старшин, что придавало этому событию публичное значение, а самым договорам — известную долю авторитетности⁴⁰. С новых учеников или чаще с их мастеров взималась вступительная пошлина в пользу цеха, размеры которой колебались в разных цехах. Во многих из них была установлена норма⁴¹ количества учеников, подобно тому, как это имело место в других местах. Обычно их не могло быть больше одного — двух. В случае нарушения нормы мастеру грозили репрессии.

Совокупность этих предписаний цехового законодательства делала ученичество серьёзной школой профессионального обучения, дававшей высокую выучку. Это благотворным образом влияло на развитие техники производства. Вместе с тем ученики на долгие годы обрекались на службу мастерам и капиталистические тенденции последних поощрялись эксплуатацией труда учеников. Но, с другой стороны, цеховое законодательство об ученичестве одновременно противодействовало развитию капиталистического производства, крайне сокращая наличные резервы нужной ему рабочей силы. Нормирование

числа учеников явным образом влекло за собой последствия именно такого рода. И все другие предписания цеховых уставов об ученичестве были направлены к тому, чтобы ограничить число обучающихся ремеслу людей. Не все подростки могли выдержать длительное ученичество, уплатить вступительные пошлины и т. д. В результате учеников оказывалось слишком мало, и подготовка нужной мануфактуристам рабочей силы шла крайне медленно. Зато позиции мелкого производителя, каким был цеховой мастер, тем самым становились надёжнее и безопаснее, так как регламентация ученичества избавляла его от натиска многих конкурентов, которые при других условиях неизбежно появились бы. Кроме того длительная техническая выучка, приобретённая цеховым мастером в молодые годы в качестве ученика, давала ему точку опоры в рыночной борьбе с мануфактуристами, поскольку он мог использовать своё мастерство для высококачественной отделки изделий.

В заключение нужно отметить, что не менее противоречивыми были и социально-экономические последствия технических предписаний цеховой регламентации. Мимоходом на это уже было указано выше. В кёльнских цеховых уставах регламентация техники производства представлена в своих обычных формах. Так, и в Кёльне от принимаемых в цех новичков требовались ценз знаний, наличие определённых технических навыков, и подобное требование повторяется всеми уставами кёльнских цехов за немногими исключениями, причём оно не оставалось простым пожеланием⁴². Наоборот, во многих цехах желающий приобрести ремесленные права подвергался строгому экзамену или ему приходилось изготавливать образцовую вещь. Требование шедевра предьявляется регламентами кёльнских бочаров, стригалей, портных, столяров и сапожников⁴³. Высокие требования к технической выучке цеховых мастеров дополнялись общим требованием хорошей отделки готовой продукции, и в соответствии с этим мастерам диктовались определённые технические нормы производства, обязательные при всех условиях⁴⁴.

Существовали специальные образцы изделий, подражать которым следовало цеховым мастерам⁴⁵. Для качества сырья также имелись особые нормы, и мастерам приходилось считаться с ними под страхом цеховых репрессий. В таких условиях совершенно необходима была визитация мастерских, и действительно она широко практиковалась в Кёльне, будучи обязательной для цеховых старшин. Готовые изделия во многих цехах штемпелевали и осматривали перед продажей или перед окончательной гарнитурой⁴⁶. Само собой разумеется, что изделия, признанные дефектными или фальшивыми, подлежали конфискации и их последующая судьба строго определялась цеховыми уставами⁴⁷. Была установлена даже межгородняя ши-

³⁸ Loesch. Op. cit., I, 49.

³⁹ Ibidem.

⁴⁰ Ibidem.

⁴¹ Ibidem.

⁴² Ibidem.

⁴³ Ibidem.

⁴⁴ Ibidem.

⁴⁵ Ibidem. II, 254.

⁴⁶ Ibidem.

⁴⁷ Ibidem. II, 492.

формация относительно фальшивых изделий и мастеров, виновных в их производстве⁴⁸. В затруднительных же случаях устраивались исследования фальшивых изделий с участием нескольких городов⁴⁹.

Противоречивость социально-экономических последствий технических предписаний цеховых уставов, в том числе и только что отмеченных, заключалась в том, что они с известными ограничениями безусловно благоприятствовали развитию техники цехового ремесла, поднимали её до высокого в своё время уровня и таким путём создавали благоприятные условия для возникновения капитализма. Но, с другой стороны, они исключали и крайне затрудняли капиталистическое использование техники, новаторства в ней и этим, несомненно, тормозили развитие капиталистического способа производства. Капиталистическая эволюция цехового ремесла двигалась в кругу чрезвычайно противоречивых определений, и найти выход из него любителям капиталистических начинаний (из среды цеховых мастеров) было не всегда легко. Во всяком случае, это следует иметь в виду при оценке влияния цеховой регламентации на развитие капитализма.

Целый ряд других элементов цехового законодательства оказывал на него совершенно аналогичное влияние. В частности это следует сказать относительно запретов смиривать подмастерьев, столь часто повторяемых кельнскими цеховыми уставами⁵⁰. Они мешали мануфактуристу маневрировать трудовыми резервами города за счёт цеховых мастеров и, устрояя в некоторой мере конкуренцию последних, играли антикапиталистическую роль. Но ведь они одновременно гарантировали цеховым мастерам право на спокойную эксплуатацию рабочей силы нанятых ими подмастерьев и, следовательно, поощряли мелкий капитализм со всем его деспотизмом и разнообразными формами отвратительного вымогательства.

Далее, весьма обычным явлением была фиксация цен на изделия цеховых мастеров, практиковавшаяся в Кёльне, так же как и во всяком другом средневековом городе⁵¹. Она очевидным образом играла антикапиталистическую роль, сдерживая спекуляцию и сокращая возможность капиталистического мародёрства на рынке. Однако если кому-либо из цеховых мастеров удавалось снизить издержки производства своих товаров, то в условиях фиксированных цен он начинал получать сверхстоимость и мог через известный промежуток времени накопить количество денег, достаточное для организации капиталистической мануфактуры. Кроме того если цены на товары устанавливались самими цехами, то уровень их оказывался при всех условиях выше трудовых издержек производства и перед мастерами открывались широкие возможности обогащения, накопления капитала.

Следовательно, можно считать бесспорным, что в составе предписаний цехового законодательства имелось очень много таких, которые оказывали противоречивое влияние на капиталистическую эволюцию цехового ремесла, ускоряя её и в то же время обнаруживая антикапиталистические тенденции, обычные для экономической политики цехов. Это значит, что не следует преувеличивать значение антикапиталистической роли цеховой системы. Совершенно неправильно ходячее представление (демагогически используемое разными буржуазными и мелкобуржуазными политическими группировками), будто цеховая система была антикапиталистической — и только. Есть все основания утверждать, что она была одновременно и прокапиталистической, а вообще крайне противоречивой в своих социальных последствиях.

Этот вывод тем более убедителен, что явно прокапиталистические предписания цеховых уставов ещё более многочисленны, чем предписания, игравшие противоречивую роль в развитии капитализма.

Прокапиталистические тенденции экономической политики цехов наиболее ярко обнаруживались прежде всего в цеховом законодательстве относительно подмастерьев. Наём последних цеховыми мастерами был формой эксплуатации наёмного труда, и цеховые уставы санкционировали её в своих многочисленных предписаниях о работе подмастерьев, их обязанностях и положении в производстве. Они делали всё возможное для того, чтобы укрепить власть мастеров над подмастерьями, усилить эксплуатацию последних. В пользу этого можно привести самые убедительные доказательства — прямые показания цеховых уставов Кёльна.

Так, цеховые уставы декларировали обязательность договоров найма, и устав, например, пекарей заявляет, что если кто из мастеров договорится о найме кнехта и выпьет с ним магарыч, то после этого подмастерье обязательно должен идти на работу к своему мастеру⁵². Кнехты лишались права добиваться изменения условий своего труда, если эти условия оказывались особенно неблагоприятными в результате их непредусмотрительности или крайней жадности хозяина. Если кнехт проявлял строптивость, не подчинялся в должной мере своему хозяину, он подлежал бойкоту; бойкот в таком случае был не только правом, но и обязанностью цеховых мастеров. В уставе брадобреев, например, говорится, что мастер не может держать у себя кнехта, который не в состоянии доказать, что находится в добром согласии со своим прежним хозяином⁵³.

Следовательно, цеховые мастера выступали перед кнехтами солидарно, как группа нанятых, взаимно помогающих друг другу в борьбе с кнехтами. Кнехт отдавался цеховыми уставами полностью во власть своего хозяина, поскольку он мог найти работу только в том случае, если его отношения с

⁴⁸ Loesch, Op. cit., I, 572.

⁴⁹ Ibidem. I, 241.

⁵⁰ Ibidem.

⁵¹ Ibidem. I, 249; II, 20, 23, 33, 65.

⁵² Ibidem. 6.

⁵³ Ibidem. I, 9.

прежним хозяином стояли на должном уровне. В уставе цеха поясников имеются обычные на этот счёт предписания, согласно которым всякий кнехт подлежал бойкоту, если он оказывался уличённым в злоупотреблении или нанёс мастеру ущерб на сумму свыше определённой нормы⁵⁴. Устав сумочников тоже запрещает нанимать подмастерье, нарушившего договор найма, до тех пор, пока он не даст удовлетворения своему первому хозяину или не станет в отношениях с ним достаточно учтив⁵⁵.

Один из регламентов уже отмеченного цеха поясников обязывает мастеров при найме кнехта наводить справки у хозяина, которому он служил раньше, и запрещает нанимать его без согласия этого хозяина. Значит, кнехт несёт прямую ответственность за хозяйское добро, и работа его должна была вполне соответствовать хозяйским интересам. Иначе кнехт совсем выбывался из хозяйственной колёны. Бойкот подмастерьев, нанеших ущерб хозяйскому имуществу, был обязателен и по уставу игольщиков, ремесников, если подмастерье уличался в хищении изделий на сумму свыше половины гильдена⁵⁶. Далее, по уставу кузнецов, нельзя было нанимать подмастерья раньше, чем он даст удовлетворение своему прежнему хозяину. Законодательная охрана хозяйского имущества представлена и в Уставах стригалей⁵⁷. По уставу токарей, мастер обязан был платить штраф в 3 шиллинга, если он уклонялся от бойкота подмастерья, нанешего своему хозяину ущерб на сумму свыше 6 шиллингов⁵⁸.

Если же подмастерье решался бежать от своего хозяина и использовать хотя бы столь примитивные формы пассивной борьбы против хозяйского гнёта, то на него обрушивались тяжёлые репрессии цеховой системы. Цехи не терпели даже пассивного сопротивления подмастерьев деспотизму мелкого хозяйчика и ставили строптивых кнехтов вне закона и обычных отношений хозяйственной жизни. Экономически обездоленные кнехты поневоле должны были считаться с требованиями своих хозяев и попадали в полную зависимость от них.

С тем большей решительностью цеховые уставы запрещали все формы активной борьбы подмастерьев со своими хозяевами. Так, под запретом находились самостоятельные ассоциации подмастерьев, как опасные для хозяйских интересов. Соответствующие предписания по этому вопросу имеются, например, в уставах цеха кузнецов, стригалей, дубильщиков, причём у последних под угрозой огромного штрафа, в 20 верхнерейнских гильденов⁵⁹. Цеховая регламентация защищала таким образом хозяйские интересы в самых острых вопросах экономической и социальной борьбы средних веков. Она отдавала кнехтов под власть мастеров, делая хозяйственные интересы последних руково-

дящим принципом своих предписаний, и создавала для развития капитализма благоприятную обстановку.

Если несмотря на угрозу бойкота и других репрессий кнехты всё-таки оказывали сопротивление мастерам, своим нанимателям, то в дело вмешивались цеховые власти и принимали все необходимые меры для подчинения их хозяевам. Так, по уставу, например, цеха мясников все конфликты о нарушении гезиндами договоров найма поступали на рассмотрение цеховых старшин и получали тот или иной исход в соответствии с их решениями. Точно так же и, по уставу крапильщиков, мастер имел право жаловаться цеховым старшинам на неповиновение или недостаточную честность в работе своего гезинда, и старшины обязаны были рассудить дело⁶⁰. Следовательно, аппарат ремесленных корпораций, в руках которых была власть и вся система репрессий, стоял на страже хозяйских интересов. Совершенно очевидно, что цеховые старшины отстаивали интересы мастеров при разборе их конфликтов с подмастерьями.

В Кёльне, как и везде, над подмастерьями довлела опека мастеров и, по свидетельству очень большого числа цеховых уставов, подмастерье при всех условиях должен был ночевать в доме своего хозяина. Если он уклонялся от этого, то за каждую ночь, проведённую вне дома хозяина без разрешения последнего, приходилось платить установленный штраф, величина которого была крайне разнообразной⁶¹. Даже личная жизнь подмастерьев отдавалась цеховыми уставами в распоряжение хозяев, и хозяйский контроль определял её отдельные проявления.

Самостоятельное производство подмастерьев решительно преследовалось, как об этом свидетельствуют многие предписания цеховых уставов, вполне соответствующие общим тенденциям их экономической политики и принципу принудительного членства⁶². Им запрещалось даже соучастие в производстве на равных условиях вместе со своим хозяином⁶³. Устав, например, кёльнских ювелиров строго запрещал это и разрешал выдавать подмастерьям только заработную плату. Одновременно подмастерьям запрещалось обучать учеников, как об этом свидетельствует устав цеха стригалей⁶⁴. Обучать подростков ремеслу можно было только в доме мастера⁶⁵. Цехи не позволяли подмастерьям нарушать их привилегии и, преследуя самостоятельное производство подмастерьев, обрекали их на положение наёмных работников, что, естественно, благоприятствовало развитию капиталистического производства.

Но особенно ярко прокапиталистические тенденции цехового законодательства проявлялись в том, что оно делало обязательным стаж подмастерья для всякого, кто

⁵⁴ Loesch, Op. cit., I, 95.

⁵⁵ Ibidem. I, 182.

⁵⁶ Ibidem. 145.

⁵⁷ Ibidem. 188, 192.

⁵⁸ Ibidem. 36.

⁵⁹ Ibidem.

⁶⁰ Ibidem. 43.

⁶¹ Ibidem. 36, 100, 182; II, 342.

⁶² Ibidem. I, 81, 85, 202; II, 688.

⁶³ Ibidem. I, 86.

⁶⁴ Ibidem. 191.

⁶⁵ Ibidem. 193.

желал получить цеховые права и стать самостоятельным мастером. Специальные параграфы многих цеховых уставов посвящены этому вопросу⁶⁶. Отсюда следует, что цеховое законодательство санкционировало систему наёмного труда в той мере, в какой она существовала в системе корпоративного ремесла. Больше того: оно делало работу подмастерьев по найму обязательной, обставляло её естественной и неизбежной для них. Цеховые уставы регламентировали условия работы подмастерьев в благоприятном для них направлении.

Они устанавливали, например, [✓]максимум той заработной платы, получать которую им разрешалось от своих хозяев. Так, в цехе бочаров существовала уставная норма максимальной заработной платы подмастерьям при подённой работе (не больше двух Wüspenninge). Основанием для установления такой нормы служило указание на то, что так велось исстари⁶⁷.

В 1426 г. мастера бочарного цеха вынесли специальное решение об установлении максимальной нормы для дневного заработка подмастерьев, причём в случае её нарушения был установлен штраф как с мастера, так и с подмастерьев⁶⁸. Запрещалось нанимать подмастерьев на подённую работу, при которой они могли всегда покинуть своего хозяина, раз их обязательства перед ним не выходили за пределы одного или нескольких дней. Поэтому один из регламентов цеха поясников запрещает мастерам нанимать на таких условиях кнехтов и делает обязательным их наём за годовую плату⁶⁹. Следовательно, согласно прямым требованиям цехового законодательства, подмастерьям не разрешалось получать более высокую заработную плату даже в том случае, если её им давали. Весьма характерной деталью является то, что цеховые уставы фиксировали максимальную, но отнюдь не минимальную норму оплаты труда подмастерьев. В этом прокапиталистические тенденции экономической политики цехов выступают со всей определённой. Сверх того в строгом соответствии с предписаниями цеховых уставов подмастерье должен был обязательно наниматься к своему хозяину на целый год и мог получить окончательный расчёт, весь причитающийся ему заработок, только по истечении года тяжёлой работы. Это значит, что подмастерью приходилось терпеть деспотизм хозяина для получения уже заработанных денег. При непосредственном содействии цеховых уставов укреплялись власть хозяина над работником, отношение экономической зависимости подмастерья. Для развития капитализма создавались благоприятные условия. По регламенту цеха мясников, наёмный кнехт обязан был служить своему хозяину не меньше одного года⁷⁰. Аналогичными были и порядки в цехе прядильщиц⁷¹.

Как уже указывалось ранее, [✓]кёльнское цеховое законодательство всячески мешало подмастерьям приобретать цеховые права и стать самостоятельными мастерами. При этом для продвижения подмастерьев создавались барьеры, которые вовсе не приводили к той частичной консолидации режима мелкого производства, которая отмечалась выше при характеристике других ограничений доступа новичков в цехи. Наглядным доказательством является [✓]возрастной ценз самостоятельности ремесленника и получения им ремесленных прав, требовавшийся при зачислении в некоторые ремесленные корпорации. Так, по уставу ткачей бумажен, он определялся в 18 лет⁷², а портных — даже в 30 лет⁷³. Это не предотвращало того, что, достигнув установленного возраста, подмастерье всё-таки добивался цеховых прав и становился конкурентом своих коллег по ремеслу. Возрастной ценз только отсрочивал эту конкуренцию, но не исключал её вообще. Тем не менее цеховое законодательство цеплялось за этот барьер, добиваясь того, чтобы подмастерья как можно дольше оставались на положении наёмных работников. Таким путём оно оказывало благоприятное влияние на развитие капиталистического производства, давая в руки мануфактуристов необходимые резервы рабочей силы.

Для устранения конкуренции новичков цехи не останавливались ни перед чем, используя вероисповедные предрассудки⁷⁴ и т. д. Одновременно устанавливались такие условия приёма в цех, которые, по существу, допускали в его состав только тех, кто имел предпосылки для перехода к капиталистическим формам хозяйственной деятельности. Так, некоторые кёльнские цехи требовали от новичков ценз домовладения, как это делает устав цеха каменщиков и плотников⁷⁵. Если присовокупить сюда ещё санкционированную уставами многих корпораций передачу по наследству цеховых прав⁷⁶ и даже членства сородичам цеховых мастеров⁷⁷ (как об этом свидетельствует один список личного состава цеха бочаров), то можно утверждать, что ограничительная регламентация приёма в цехи непосредственно ускоряла экономическое обособление цеховых мастеров от остальной массы ремесленников и их превращение в мануфактуристов. Характерно, что при зачислении чужаков в цех, например, каменщиков и плотников, предполагалось определённое время (14 дней) на обсуждение кандидатуры, дабы избежать необдуманных решений по столь важному вопросу⁷⁸. Помимо этого цехи не только фиксировали число своих членов, но добивались и дальнейшего сокращения установленной нормы. Таково было, например, решение братства кёльнских сукноторговцев от 2 февраля 1459 г., сокращавшее число его

⁶⁶ Loesch, Op. cit., I, 86, 109, 137; II, 246.

⁶⁷ Ibidem. I, 14.

⁶⁸ Ibidem. II, 49.

⁶⁹ Ibidem. 274.

⁷⁰ Ibidem. II, 124.

⁷¹ Ibidem. 154.

⁷² Ibidem. I, 149.

⁷³ Ibidem. 156.

⁷⁴ Ibidem. II, 227.

⁷⁵ Ibidem. I, 178.

⁷⁶ Ibidem. 153, 162.

⁷⁷ Ibidem. 214.

⁷⁸ Ibidem. I, 177.

членов с 16 до 12⁷⁹. В данном случае, быть может, наиболее ярко выступают прокапиталистические тенденции цехового законодательства. Цехи были использованы мануфактуристами в капиталистических целях.

Безусловно весьма значительными были и прокапиталистические тенденции цехового законодательства об ученичестве. В этом нетрудно убедиться при детальном ознакомлении с его содержанием. Цеховая регламентация отдавала учеников, так же как и подмастерьев, под власть мастеров и открывала перед последними широкие возможности капиталистического использования детского труда. Правда, многие другие предписания цеховых уставов относительно учеников, как отмечалось выше, играли противоречивую роль и одновременно укрепляли позиции мелкого ремесла в противовес капиталистической мануфактуре. Но зато некоторые статьи цеховых регламентов носили явно прокапиталистический характер, и их необходимо сейчас особо отметить.

Мастер считался настоящим хозяином своих учеников, и их бегство от него, согласно предписаниям цеховых уставов, запрещалось как одно из самых тяжких преступлений против устоев цехового режима⁸⁰. Беглые ученики подлежали бойкоту, так же как и подмастерья⁸¹. Следовательно, на строптивых учеников обрушивались в полном объёме экономические репрессии цеховых властей, ставящих учеников в глубокую зависимость от хозяев. Обучаться у другого мастера ученик мог только с разрешения первого, как об этом свидетельствует одно из дополнений к уставу цеха кёльнских ювелиров⁸².

В некоторых же цехах существовала настоящая норма для числа мастеров, у которых мог обучаться ученик. Так, по уставу тех же ювелиров, в состав цеха мог быть принят только подмастерье, обучавшийся не более чем у трёх мастеров⁸³. Значит, дальнейшее продвижение ученика при любых условиях ставилось в зависимость от его мастера, и даже в случае бегства от последнего ученик не мог освободиться от хозяйских пут. Сверхобычное число учителей считалось предосудительным и могло послужить мотивом для отклонения кандидатуры подмастерья, добивающегося приёма в цех. Иногда же цеховые уставы обязывали беглого ученика вернуться к хозяину и отслужить положенный срок независимо от его желания и отношений, сложившихся в хозяйской мастерской. По уставу, например, оловянщиков, мастер сохранял права на службу беглых учеников до тех пор, пока оставался жив⁸⁴. Аналогичное требование выставляет и устав цеха гравёров⁸⁵. В других корпорациях ученикам вообще разрешалось обучаться ремеслу только у одного мастера, как это имело место в цехе канат-

чиков⁸⁶. Ученикам ювелиров приходилось давать даже особую клятву в подтверждение того, что они не будут учиться у других мастеров⁸⁷.

Всё это вариации одного и того же требования цеховых уставов, согласно которому ученик мог поступить на службу к другому мастеру только с соизволения своего прежнего хозяина. Это условие повторяется, например, и одним из регламентов цеха кёльнских бочаров⁸⁸. Над учениками была установлена та же система опеки, что и над подмастерьями⁸⁹. От учеников требовалась «учтивость в отношении с мастерами»⁹⁰, и в зависимость от этого ставилось дальнейшее их продвижение по лестнице цехового ремесла. Цеховые уставы запрещали мастерам платить своим ученикам заработную плату сверх определённой нормы, в противном случае мастеру грозило даже исключение из состава цеха⁹¹. Да и эту заработную плату ученик мог получить лишь по специальному решению цеховых старшин о степени совершенства его технических навыков и выяснения того, насколько он этого заслуживает⁹². Таким образом, ученики ставились в столь же тяжёлое экономическое положение, как и подмастерья. Наконец, самое ученичество цехи рассматривали как своё хозяйственное имущество, и некоторые из них открыто торговали ученичеством с санкцией своих уставов. Так, цеховой устав кровельщиков предоставлял в этом отношении свободу действия цеховым старшинам, которые могли продавать в течение года ученичество тому, кому захотят.

Следовательно, прокапиталистические тенденции цехового законодательства об ученичестве были весьма сильны и сказывались при разрешении самых разнообразных вопросов цеховой жизни. Цеховые уставы давали мастера настоящим хозяином мастерской, давая неограниченный простор его деспотизму, санкционируя сколько угодно жестокою эксплуатацию подростков. Целая серия предписаний цеховых уставов относительно ученичества, прав мастеров и обязанностей учеников расчищала почву для капитализма, создала благоприятную обстановку для его развития.

Вместе с тем, несомненно, прокапиталистическое значение имели те предписания уставов, которые укрепляли или санкционировали цеховую иерархию.

Ведь они усиливали социальную дифференциацию среди ремесленников и этим подготавливали почву для возникновения между ними капиталистических отношений. Как указывают Маркс и Энгельс, «благодаря постепенному накоплению путём сбережений небольших капиталов отдельными ремесленниками и неизменности числа последних при растущем населении развилась система подмастерьев и учеников, создавшая в городах иерархию, подобную иерархии сельского на-

⁷⁹ Loesch, Op. cit., II, 199.

⁸⁰ Ibidem. I, 11.

⁸¹ Ibidem. 22, 24, 29, 142.

⁸² Ibidem. 75.

⁸³ Ibidem. 83.

⁸⁴ Ibidem. 117.

⁸⁵ Ibidem. 120.

⁸⁶ Ibidem. 175.

⁸⁷ Ibidem. II, 215.

⁸⁸ Ibidem. 49.

⁸⁹ Ibidem. I, 83, 138.

⁹⁰ Ibidem. 176.

⁹¹ Ibidem.

⁹² Ibidem. I, 178.

селения⁹³. Кельнские цеховые уставы являются наглядным доказательством этого, и показания некоторых из них заслуживают того, чтобы их привести.

Цеховые уставы обычно санкционировали приниженное положение новичков в составе ремесленных корпораций, обязывая их выполнять всякого рода поручения цеховых властей в качестве вестовых и т. п. Таковы, например, были порядки в цехе кельнских стригалей, как об этом свидетельствует их цеховой устав 1397 года⁹⁴. Ещё более резко иерархические тенденции цехового законодательства выражались в предписаниях о правах и привилегиях заслуженных мастеров или членов соответствующих братств. Они ставили их в обособленное положение по отношению к другим ремесленникам, и это открывало им возможности капиталистического перевоплощения на достаточно прочной базе. В этом отношении чрезвычайно показательны регламент для пирушек кельнских пекарей, относящийся к XV в. и устанавливающий иерархию заслуженных среди них участников. В соответствии с регламентом определялся весь порядок и организация пирушек⁹⁵. И в других ремесленных корпорациях заслуженные мастера занимали обособленное положение. У сукноторговцев, например, заслуженные братья противопоставлялись незаслуженным даже при выборе старшин⁹⁶. При известных условиях можно было отречься от прав заслуженного брата, сохранив, однако, права незаслуженного члена корпорации, как это сделал один кельнский сукноторговец в 1335 году⁹⁷.

Социальная рознь между обеими категориями мастеров заходила иногда весьма далеко и находила своё выражение в их столкновениях. Последними приходилось заниматься городским властям, и, выслушав, например, 15 ноября 1468 г. доводы спорящих между собой сапожников, совет Кёльна постановил, что незаслуженные мастера должны повиноваться любому предписанию заслуженных сапожников⁹⁸. В некоторых же корпорациях права заслуженных толковались настолько широко, что в их пользу поступали и вступительные взносы, взимавшиеся с новичков. Так, новичок в братстве сукноторговцев давал угощение именно заслуженным братьям и сверх того каждому из них полмарки денег⁹⁹.

Помимо этого следует учесть и широту полномочий, которые цеховое законодательство предоставляло цеховым старшинам, ставя их в положение корпоративной аристократии. Важное значение имело то обстоятельство, что оно санкционировало самое существование цеховой иерархии, иерархичность социальной структуры цехового ремесла, находящей своё выражение в обособленном положении мастеров, подмастерьев и учеников. С другой стороны, отношения

межцеховой зависимости узаконялись цеховыми уставами как нечто вполне естественное. Правда, эта зависимость устанавливалась при участии и городских властей. Так, в 1437 г. совет даёт золотоспряхам в качестве старшин одного ювелира. По истечении года цех ювелиров получал права назначить другого старшину — из числа своих мастеров¹⁰⁰. В 1402 г. ашплетурщики и сукнозаводы дали совету клятву не создавать своего особого братства и повиноваться во всём цеху суконщиков, а если кто-нибудь из них будет посажен в тюрьму, то другие отказываются перечить этому как словом, так и делом¹⁰¹.

Фактически межцеховая зависимость подобного рода была зависимостью наёмного работника от хозяина, и если она узаконялась цеховыми регламентами или предписаниями цеховых властей, то это значит, что для развития капиталистических отношений создавались весьма благоприятные условия. Особенно ярко зависимость цеха от хозяев, капиталистический характер межцеховой зависимости сказывались в положении цеха стригалей, безусловно санкционированном их цеховым уставом, вероятно, продиктованным суконщиками¹⁰².

Вместе с тем городские цехи добивались верховенства над корпорациями пригородных ремесленников, ставя их в зависимое положение и подкрепляя свои права соответствующими актами публичных властей¹⁰³. Если мастера одной профессии вторгались в сферу деятельности соседей, то они обязывались подчинением цеху последних, и это опять-таки влекло за собой зависимость одного цеха от другого. Само собой разумеется, что установление такой зависимости не могло обойтись без участия городских властей, так как противоречивые интересы двух корпораций нуждались в арбитражном решении нейтральной инстанции. Так по крайней мере завершился конфликт панцирьщиков с кузнецами в 1415 году¹⁰⁴.

Кроме того можно утверждать, что цехи очень часто протестовали против строгого соблюдения как раз антикапиталистических предписаний своих уставов и в соответствии с прокапиталистическими тенденциями своей экономической политики допускали целый ряд исключений. Так, некоторые цеховые уставы разрешали кредитование покупателей, и устав, например, цеха пекарей обязывает мастеров помогать друг другу при взимании долгов с неисправных плательщиков, путём бойкота последних¹⁰⁵. Понятно, что кредитование покупателей создавало весьма благоприятную обстановку для деятельности ростовщиков и любителей капиталистической наживы. Некоторые цехи прямо протестовали против постановлений, стесняющих капиталистическую деятельность цеховых мастеров, поскольку эти постановления были им навязаны городскими властями или другой посторонней силой. Так, кро-

⁹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IV, стр. 15.

⁹⁴ Loesch. Op. cit., I, 191.

⁹⁵ Ibidem. I, 15.

⁹⁶ Ibidem. 168.

⁹⁷ Ibidem. 178.

⁹⁸ Ibidem. 410.

⁹⁹ Ibidem. II, 485.

¹⁰⁰ Ibidem. 261.

¹⁰¹ Ibidem. II, 503.

¹⁰² Ibidem. I, 187—188.

¹⁰³ Ibidem. II, 478.

¹⁰⁴ Ibidem. 282.

¹⁰⁵ Ibidem. I, 6.

вельщики обратились в конце XV в. с ходатайством в городской совет об отмене нормы для числа подмастерьев¹⁰⁹, которая, естественно, сдерживала размах их капиталистической деятельности. В 1493 г. цех стригалей также жалуется совету на отягощенность нормы подмастерьев, установленной в 1440 г. и запрещавшей стригалю держать у себя в мастерской больше двух кнехтов и одного ученика¹⁰⁷. Цехи протестовали против снижения фиксированных цен, если даже для этого имелись налицо все необходимые рыночные условия. Так, в 1464 г. пекари Кёльна обратились в совет с протестом против предполагаемого снижения таксы на печёный хлеб в связи с падением рыночных цен на зерно¹⁰⁸. Пекари главным образом стремились использовать разрыв между рыночными ценами на сырьё и фиксированными на высоком уровне ценами на готовые изделия для своего личного обогащения, которое при известных условиях могло стать основой их капиталистического перевоплощения. Цеховые мастера протестовали против штемпельования изделий, как мероприятия, стеснительного для их попыток капиталистического использования техники. Как показывает процесс одного сукноткача, Дитмара Кюха, дело иногда доходило до изготовления фальшивых инструментов и организации тайного штемпельования изделий самими мастерами¹¹⁰. Зато некоторые корпорации допускали индивидуальное штемпельование изделий, которое давало отдельным мастерам широкие возможности расширения сбыта и публичной рекомендации своих изделий. Об этом свидетельствует один из регламентов, изданный советом для сукноткацкого производства и обязывающий каждого сукноткача иметь свой особый штемпель¹¹⁰. При продаже сукна торговцы обязаны были резать куски сукна с одного конца, оставляя штемпель на другом конце нетронутым до последнего отреза¹¹¹.

Фиксируя максимум заработной платы подмастерьев, цехи одновременно добивались публичных гарантий для минимума оплаты труда самих мастеров. В цехе, например, стригалей существовала минимальная норма оплаты мастеров в зависимости от объёма работы¹¹². Естественно, что при повышении производительности труда твёрдо фиксированные нормы минимальной оплаты труда цеховых мастеров могли стать базой их обогащения и накопления в их руках имущества, необходимого для организации капиталистических мануфактур.

Далее, цехи запрещали натуральную оплату работы мастеров, и это также оказывало положительное влияние на развитие капитализма, ускоряя общий процесс товаризации хозяйства. Кожевникам, например, одно третейское решение запрещает получать в натуральной форме плату за их работу

(если только не обрезками кожи)¹¹³. Как известно, отдельные мастера и цехи в целом вели упорную борьбу за совмещение профессий, хотя они столь же решительно отстаивали неприкосновенность границ своей производственной сферы¹¹⁴. Иногда домогательства цеховых мастеров достигали цели, и в случае, например, отсутствия работы по своей специальности они получали от совета разрешение на занятие смежным ремеслом. Так, в 1397 г. на этом основании три мечника приобрели санкционированное советом разрешение на занятие ремеслом панцирьщиков¹¹⁵. Таким образом, устранялись, хотя бы частично, антикапиталистические последствия уставного разграничения профессий, и цеховые мастера получали более широкое поле для своей деятельности. Между цехами шла упорная борьба за право окончательной гарнитуры изделий, и выносившиеся по этому вопросу решения ставили некоторые профессии в весьма невыгодное положение, лишая их представителей права на окончательную отделку своей продукции. Спор, например, кошелечников с поясниками завершился в 1422 г. тем, что за поясниками было признано право на оковку кошельков, хотя их изготовлением занимались кошелечники¹¹⁶. Это право имело жизненно важное значение для мастеров, так как, теряя его, они попадали в экономическую зависимость от скупщиков и тех мастеров, которые, выполняя гарнитурные работы, продавали изделия на рынке в законченном виде.

Как известно, именно ремесленники, занимавшиеся предварительной обработкой сырья, раньше всего попадали в положение наёмных работников, зависящих от скупщиков, и история суконной промышленности даёт множество доказательств этого.

Ярмарки плохо укладывались в рамки цеховой регламентации и влекли за собой разнообразные исключения, ограничивающие действия их строгих предписаний, причём как раз в благоприятном для капитализма направлении. Эти исключения ослабляли проявление антикапиталистических тенденций в экономической политике цехов. Укажем хотя бы на кёльнских стригалей, которые в 1493 г. добились от совета разрешения держать по 4 вместо 2 кнехтов на протяжении восьми недель перед Франкфуртской ярмаркой¹¹⁷.

Дополнительный наём подмастерьев, конечно, благоприятствовал развитию капиталистических отношений среди цеховых мастеров.

Далее, ограничительная политика цехов в вопросах ввоза и вывоза изделий отнюдь не являлась последовательной. В противовес её антикапиталистическим тенденциям многие цеховые уставы прямо гарантировали мастерам свободу вывоза их изделий. Пример этого рода даёт устав цеха поясников¹¹⁸, разрешающий им свободно вывозить на яр-

¹⁰⁹ Loesch. Op. cit., II, 94.

¹⁰⁷ Ibidem. 461.

¹⁰⁸ Ibidem. 544.

¹⁰⁹ Ibidem. 512.

¹¹⁰ Ibidem. II, 369.

¹¹¹ Ibidem. 484.

¹¹² Ibidem. I, 188.

¹¹³ Ibidem. II, 316.

¹¹⁴ Ibidem. 338, 344, 377, 474.

¹¹⁵ Ibidem. II, 274.

¹¹⁶ Ibidem. 455.

¹¹⁷ Ibidem. 462.

¹¹⁸ Ibidem. I, 97.

марку свою продукцию. Помимо этого отдельные мастера добивались от совета специального разрешения на свободный ввоз необходимого им сырья или каких-либо товаров, о чём свидетельствует решение Кёльнского совета от 1490 г., разрешавшее некоему Струйсу свободно ввозить нужный ему уголь с использованием любых транспортных средств¹¹⁹.

Для своего личного потребления бюргеры могли сами изготавливать некоторые вещи или поручать их производству кому-либо другому в нарушение даже принципа *Zunftzwang*¹²⁰. Как уже указывалось ранее, цех скорняков запрещал ввоз меховых изделий, но не допускал исключения для тех случаев, когда ввозимые меховые вещи предназначались для свадебных торжеств¹²¹.

Таким образом, уже сами цеховые уставы значительно ослабляли антикапиталистические тенденции экономической политики цехов и в противовес им усиливали значение прокапиталистических предписаний. Допускаемая многочисленными исключениями из одних предписаний антикапиталистического характера и добиваясь отмены других, ограничения третьих, цехи своей политикой покровительствовали развитию капиталистических отношений, создавали для него благоприятную обстановку.

Значение этих ограничений антикапиталистических предписаний цехового законодательства увеличивалось ещё теми распоряжениями городских властей, которые были направлены против крайностей цеховой регламентации. В частности городские власти Кёльна не всегда мирились с принципом принудительного членства, составлявшим первооснову цехового законодательства. Совет противодействовал практическому применению этого принципа¹²², запрещал бойкотировать пришлых ремесленников¹²³, и под давлением совета цехам приходилось зачислять в свой состав новых членов¹²⁴. Многие предписания городских властей носили явно прокапиталистический характер, и к их числу следует отнести те своеобразные имунитетные грамоты, которые они раздавали приезжим ремесленникам и мануфактуристам в засвидетельствование того, что они не подведомственны цеховым регламентам. Одно из решений городского совета, относящееся к 1402 г., освобождало приезжего мастера от вмешательства цеховых властей в дела его производства на целых два года¹²⁵.

Само собой разумеется, что прокапиталистическая политика городов влияла на процесс развития капитализма, усиливая прокапиталистические тенденции экономической политики цехов. В результате очень часто практическое значение антикапиталистических предписаний цеховых властей сводилось к нулю.

Огромную роль при этом сыграли эгоистические стремления ремесленников, как мел-

ких хозяйчиков. Они повсюду искали щели в цеховом законодательстве и пользовались любой возможностью для его нарушения. Так, например, ремесленники нередко приступали к организации самостоятельного производства тех или иных изделий, не проходя положенного ученичества¹²⁶ и не приобретая цеховых прав. Цехи, конечно, protestовали, но не всегда добивались своих прав. В этом противоречии цеховой регламентации с приобретательскими интересами мелкого хозяйчика заключался один из решающих факторов капиталистической эволюции средневекового ремесла.

Даже репрессивная политика цехов, подкреплявшая антикапиталистические предписания их уставов, часто ускоряла развитие капиталистических отношений среди ремесленников. Например, широко практиковавшаяся конфискация ремесленных прав разоряла провинившихся мастеров и пополняла резервы наёмного труда, необходимые мануфактуристам. По уставу цеха золотопряд, мастерицы лишались права не только обрабатывать сырьё своего производства, но и покупать его, если они оказывались исключёнными из состава цеха¹²⁷. Цеховые репрессии низводили мастеров на положение подмастерьев и тем самым усиливали позиции капиталистических элементов.

Несомненно, положительное влияние на развитие капитализма оказывала та ожесточённая борьба, которую цехи вели с поместным ремеслом. В Кёльне она была повседневной и многократно засвидетельствована в документах¹²⁸. В этой борьбе цехи пользовались обычно поддержкой городских властей, и их совместное наступление на привилегированное ремесло монастырей и других религиозных корпораций ускоряло товаризацию ремесла и подготавливало почву для развития отношений капиталистического производства.

Наконец, следует отметить, что выводы предыдущего изложения находят себе подтверждение в цеховых документах Магдебурга¹²⁹, Страсбурга¹³⁰, Фрейбурга¹³¹, Граца¹³², Нордгейма¹³³, Эйнеба¹³⁴.

¹²⁰ Ibidem. I, 438.

¹²¹ Ibidem, 92.

¹²² Ibidem, I, 263, 265, 266; II, 24, 66, 118, 324, 325, 420, 421, 466.

¹²³ «Urkundenbuch der Stadt Magdeburg. Bd. I, S. 32. Hrsg. von Hertel. 1892.

¹³⁰ Meyer «Die Strassburger Goldschmiedezunft». «Urkunden», № 1, S. 1, 2; № 12, S. 8, 32.

¹³¹ K. Hartfelder «Die alten Zunfturkunden». T. I, № 1, S. 9, 22; № 2, S. 9, 1, S. 10, 2—3; № 6, S. 12, 1, 2, 3. 1879, см. также «Zeitschrift des Freiburger Vereins für Geschichtskunde». Bd. IV, «Zunftordnung», IV, S. 6.

¹³² Fr. Pchelka B. «Zeitschrift des historischen Vereins für Steiermark», S. 100, 1918.

¹³³ Ed. Bodemann «Ältere Zunfturkunden der Städte Nordheim und Einbeck». «Zeitschrift des historischen Vereins für Niedersachsen», S. 167, 175, 179, 180, 181, 188, 189, 1886.

¹³⁴ Ibidem, S. 230.

¹¹⁹ Loesch. Op. cit., II, 306.

¹²⁰ Ibidem. 337, 484.

¹²¹ Ibidem. I, 125, 131.

¹²² Ibidem. I, 122.

¹²³ Ibidem. 435.

¹²⁴ Ibidem. 432.

¹²⁵ Ibidem, I, 228.

Тулна¹³⁵, Геттингена¹³⁹, Брауншвейга¹³⁷, Данцига¹³⁸, Брюсселя¹³⁸, Варбурга¹³⁹, Грегфсвальда¹⁴¹, Штеттина¹⁴², Аахена¹⁴³, Констанца¹⁴⁴, Вены¹⁴⁵, Вернигероде¹⁴⁶, Иглау¹⁴⁷, Берлина¹⁴⁸, Лейпцига¹⁴⁸, Арраса¹⁵⁰, Тулузы¹⁵¹, Монпелье¹⁵², Рима¹⁵³, Лондона¹⁵⁴, Честера¹⁵⁵, Ковентри¹⁵⁶, Бристоля¹⁵⁷, Йорка¹⁵⁸, Оксфорда¹⁵⁹, Ворчестера¹⁶⁰ и др.

В результате проделанного нами исследования цеховых документов, главным образом кельнских, а отчасти и других городов, мы можем сделать следующие основные выводы.

1. Антикапиталистические тенденции экономической политики цехов были необычайно сильны и засвидетельствованы огромным количеством предписаний цехового законодательства, игравших в хозяйственной жизни средневековой, несомненно, антикапиталистическую роль.

2. Но буржуазная историография слишком упрощает и тем самым искажает картину хозяйственной эволюции цехового ремесла, подчёркивая только этот момент. На самом деле цеховые уставы содержали очень много предписаний противоречивого характера, которые делали цеховой «антикапитализм» половинчатым, ограниченным, непринципиальным, что вполне соответствовало социально-экономической природе мелких товаропроизводителей, какими являлись цеховые мастера.

¹³⁵ G. Winter «Ukundliche Beiträge zur Rechtsgeschichte ober- und niederösterreichischen Städte, Märkte und Dörfer», S. 6. Innsbruck. 1877.

¹³⁶ G. F. von den Ropp «Göttinger Statuten», S. 2, 63, 66, 148, 159, 426, 429, 466. 1887.

¹³⁷ L. Haensellmann «Urkundenbuch der Stadt Braunschweig». Bd. 2, S. 518, № 877. 1900.

¹³⁸ Th. Hirsch «Danzigs Handel und Gewerbegeschichte», S. 326, 328, 333, 334, 335, 338. 1858.

¹³⁹ Des Marex «L'organisation du travail à Bruxelles au XV siècle», p. 57, 64, 81, 84, 87, 265. 1903.

¹⁴⁰ A. Monks «Die gewerblichen Verbände der Stadt Warburg», S. 63, № 2; S. 68, № 4. 1908.

¹⁴¹ O. Krause «Die ältesten Zunfturkunden der Stadt Greifswald», S. 7, 13, 14, 16, 23, 33. 1898.

¹⁴² Blümke «Die Handwerkerzunft im mittelalterlichen Stettin». «Baltische Studien», 2—3 Heft, S. 139, 141, 143, 144—145, 154, 232, 231. 1884.

¹⁴³ H. Hermandung «Das Zunftwesen der Stadt Aachen», S. 47, 48, 49, 54, 56, 57. 1908.

¹⁴⁴ E. Gotheim «Wirtschaftsgeschichte des Schwarzwaldes». Bd. I, S. 345.

¹⁴⁵ Fr. Eulenburg «Das Wiener Zunftwesen». «Zeitschrift für soz. und W.—G.». Bd. I, H. 2—3. S. 308, 309. 1893.

¹⁴⁶ K. Meister «Die ältesten gewerbli-

3. Поэтому наиболее бесспорным выводом нашего исследования будет положение о крайней противоречивости экономических функций отдельных элементов цехового строя, что самым резким образом обнаружилось в его влиянии на развитие капитализма. В противоречивости тенденций экономической политики цехов (антикапиталистических, прокапиталистических, тех и других одновременно) находила своё выражение двойственность, противоречивость социально-экономического положения цехового ремесленника как простого товаропроизводителя, которая нашла свою блестящую характеристику в работах классиков марксизма-ленинизма.

4. Как бы то ни было, пора освободиться от оценок влияния цехового строя на развитие капитализма, унаследованных от эпохи буржуазных революций, когда цехи выступали одним из оплотов феодального режима. Никогда не следует забывать, что в эту пору цехам пришлось бороться с тем самым капитализмом, который они породили сами в предшествующий период своей экономической эволюции. В долгой истории генезиса капитализма цеховой строй средневекового ремесла играл не только реакционную, но и прогрессивную роль.

Прокапиталистические тенденции цехового законодательства были весьма сильны, но

chen Verbände der Stadt Wernigerode», S. 32. Jena. 1890.

¹⁴⁷ K. Werner «Urkundliche Geschichte der Iglauer Tuchmacher». «Zunft», S. 6. 1861.

¹⁴⁸ Neuburg C. «Zunftgerichtbarkeit und Zunftverfassung», S. 176. 1890.

¹⁴⁹ K. Wissel «Das alten Handwerks Recht und Gewohnheit». Bd. I, S. 170, 171, 249, 364. 1929; H. Koehl «Beiträge zur preussischen Handwerkspolitik». «Staats- und Sozialw. Forschungen». Bd. 17, H. 4, S. 14. Hrsg. Schmoller; H. Bartenstein «Das Ledergewerbe im Mittelalter in Köln, Lübeck und Frankfurt», S. 81, 85. 1920.

¹⁵⁰ Ch. Quin-Lacroix «Histoire des anciennes corporations», p. 735. 1850.

¹⁵¹ H. Sée «Louis XI et les villes», p. 309. 1892.

¹⁵² A. Germain «Histoire du commerce de Montpellier». 1861.

¹⁵³ E. Rodocanachi «Les corporations ouvrières à Rome», t. I, p. 269. 1894.

¹⁵⁴ H. T. Riley «Memorials of London and London life», p. 157, 239, 245, 346, 480, 232, 292, 330, 514, 542, 576, 609. 1868; Bland, Brown and Tawney «English Economic History», p. 136, 148, 1945; Unwin «The Gilde and companies», p. 225. 1908; L. Brentano «Zur Geschichte der englischen Gewerkevereine», Bd. I, S. 69. 1871.

¹⁵⁵ E. Lipson «An Introduction to the Econ. Hist. of England», p. 361. 1915.

¹⁵⁶ Ibidem, p. 352.

¹⁵⁷ Ibidem.

¹⁵⁸ Ibidem.

¹⁵⁹ Ibidem, p. 353, 349.

¹⁶⁰ Ibidem, p. 710.

правильное решение интересующей нас проблемы возможно лишь с учётом крайней противоречивости влияния цехов на развитие капитализма, поскольку они задерживали одновременно прогрессивный рост последнего. В первом разделе настоящей статьи приводилось много показаний документов в пользу этого, и потому Маркс писал, что «цеховые законы, строго ограничивая число подмастерьев, которым имел право давать работу один мастер, тем самым планомерно препятствовали превращению цеховых мастеров в капиталистов. Равным образом мастер мог держать подмастерьев исключительно в том ремесле, мастером которого он сам был. Цех ревностно охранял себя от всяких посягательств со стороны купеческого капитала, — этой единственной свободной формы капитала, противостоявшей цехам. Купец мог купить всякие товары, но не труд в качестве товара. Его терпели лишь в роли скупщика продуктов ремесла. Если внешние обстоятельства вызвали прогрессирующее разделение труда, то существующие цехи расщеплялись на подвиды или же наряду с существующими основывались новые цехи, однако без объединения различных ремёсел в одной и той же мастерской. Таким образом, хотя обособление, изолирование и развитие ремёсел цеховой организацией послужило материальной предпосылкой мануфактурного периода, тем не менее сама цеховая организация исключала возможность мануфактурного разделения труда. В общем и целом рабочий страдался со своими средствами производства настолько же тесно, как улитка с раковиной, и, следовательно, не доставало первой основы мануфактуры: обособления средств производства в качестве капитала, противостоящего рабочему»¹⁶¹.

Поэтому Маркс даже утверждал, что «как мелкое крестьянское хозяйство, так и независимое ремесленное производство частью составляют базис феодального способа производства, частью же, после его разложения, появляются наряду с капиталистическим производством»¹⁶². Значит, сама историческая роль цехового ремесла средневековых городов была исключительно противоречивой.

Как бы то ни было, но в хозяйственном строе цехового ремесла имелось много капиталистических тенденций, и не случайно В. И. Ленин штирует в своей работе «Развитие капитализма в России» следующие положения Маркса по этому вопросу: «По отношению к самому способу производства мануфактура, напр., отличается в своём точном виде от цехового ремесленного производства едва ли чем другим, кроме большего числа одновременно занятых одним и тем же капиталом рабочих. Мастерская цехового мастера только расширена» (*Das Kapital*, I^a, S. 329)¹⁶³.

Отсюда видно, насколько неосновательной является обычная для буржуазной историографии идеализация цехового строя. Ведь в своё время Шенберг утверждал, будто цехи

средневековья одинаково заботились о производителе и потребителе¹⁶⁴, повышение качества своих изделий считали своей главной задачей¹⁶⁵ и ставили «внутренние отношения своих членов на основе равенства прав каждого на одинаковую долю в продуктах труда»¹⁶⁶, гарантируя каждому право на труд и считая учеников, подмастерьев подзащитными людьми¹⁶⁷. Вместе с тем Гирке утверждал, что цехи «впервые в истории доставили признание прав и чести труда», так как свобода была основой цехового строя и все цеховые ограничения хозяйственной деятельности устанавливались в общественных интересах, в результате чего ремесло становилось службой городской общине¹⁶⁸. С его точки зрения, цехи переносили нравственные основы товарищества в область ремесленного труда, поскольку для них *Erwerd* — лишь средство к цели, а сама цель — в личности человека. Отсюда Гирке и выводил характерный для цехов принцип равенства и братства, защиты прав личности против собственности¹⁶⁹. Бслед за этим Шанц писал, что вообще цехи возникли на почве эгалитарных представлений старогерманского происхождения и главной задачей их было воспитание учеников и подмастерьев¹⁷⁰. Ещё дальше шёл Шмоллер, утверждая, что средневековым цехам был свойствен демократический дух, характерный для германцев вообще, что в их внутренней жизни господствовали принципы равенства и братства. По мнению Шмоллера, цехи лишь продолжали борьбу благочестивых епископов за справедливую торговлю, а предпринимая ими регламентация хозяйственной жизни ставила последнюю на нравственную основу путём преодоления внутренней конкуренции¹⁷¹.

Наконец, Бюхер довел идеализацию средневековых цехов до крайности, утверждая, что цехи «создали совершенную в своём роде организацию труда», руководствуясь «идеей общего блага» и принципом пропитания, гарантируя для каждого «всеобщее братство» и превращая ремесло в публичную должность. С точки зрения Бюхера, городское ремесло создало «крепкий слой свободных, независимых трудящихся людей, работающих без своры «алчных посредников», но в соответствии с «интересами личности и государства» по принципу «один за всех и все за одного», исключая резкие имущественные различия»¹⁷².

¹⁶⁴ См. «Zur wirtschaftliche Bedeutung des Zunftwesens», S. 40.

¹⁶⁵ Ibidem, S. 43—63.

¹⁶⁶ Ibidem, S. 72—115.

¹⁶⁷ Ibidem, S. 115—124.

¹⁶⁸ Gierke «Das deutsche Genossenschaftsrecht». Bd. I, S. 359, 371. 1868.

¹⁶⁹ Ibidem, S. 338.

¹⁷⁰ Schanz «Zur Geschichte der deutschen Gesellen-Verbande», S. 47. 1877.

¹⁷¹ G. Schmoller «Die Strassburger Tucher- und Weberzunft». Bd. I, S. 376, 377, 378, 386, 454. 1879.

¹⁷² К. Бюхер «Возникновение народного хозяйства», 1909, вып. 2, стр. 163—166. К. Бюхер «Die Bevölkerung». Bd. I, S. 129, 229.

¹⁶¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVII, стр. 395—396.

¹⁶² Там же, стр. 368.

¹⁶³ Ленин. Соч. Т. III, стр. 275.

Эти положения повторялись в Германии Адлером¹⁷³, Геерингом¹⁷⁴, Зомбартом¹⁷⁵, Кейтеном¹⁷⁶ и др., а в Англии — Гроссом¹⁷⁷, Эшли¹⁷⁸, Кеннингэмом¹⁷⁹ и т. д. Точно так же и среди французских историков общепринятым является «мнение», что в XIII—XIV вв. в цеховом ремесле существовала «единая рабочая семья», состоящая из мастеров, подмастерьев и учеников, при-

чём с добрыми чувствами «отеческой привязанности и сыновней почтительности»¹⁸⁰.

Однако несостоятельность такой идеализации цехового строя, характерная для старых историков, не смущает новых, которые продолжают повторять традиционные изложения старой историографии, как об этом свидетельствует пример Эрика Веге, Висселя и др.¹⁸¹, писавших о цехах в недавнее время.

Как показывает предыдущее изложение, документы эпохи даже расцвета цехового строя не дают оснований для таких характеристик.

¹⁸⁰ D. Bourg «Tableau de l'ancienne organisation du travail a Toulouse», p. 57—58.

¹⁸¹ E. Wege «Die Zünfte des Träger wirtschaftlicher Kollektivmaßnahmen», S. 3. Stuttgart. 1930; Peuty «A Guildesman», p. 34; Brunner «Burgertum und Stadtwesen» («Das Mittelalter», 1930, S. 158); Renard «Syndicats, Trade-Unions and corporations», p. 22—23.

¹⁷³ Adler «Die Fleisch-Teuerungspolitik», S. 26—29.

¹⁷⁴ Geering «Handel und Industrie der Stadt Basel», S. 49. 1887.

¹⁷⁵ B. Зомбарт «Современный капитализм». Т. I, стр. 188, 194, 200, 213, 270, 323. 1931.

¹⁷⁶ Keutgen «Aemter und Zunfte», S. 248.

¹⁷⁷ Ch. Gross «The Guild Merchant». Vol. I, p. 124.

¹⁷⁸ Эшли «Экономическая история Англии», стр. 105.

¹⁷⁹ Кеннингэм «Западная цивилизация с экономической точки зрения», стр. 63. 1903.